

УДК 616.9-036.2

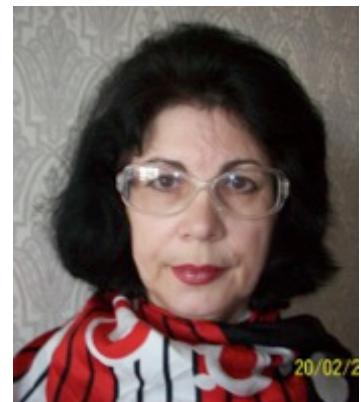
СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ И ФУТУРОЛОГИЯ

SOCIAL ECOLOGY AND FUTUROLOGY

© **Шрага** Моисей Хаимович, доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной работы САФУ. Автор более 225 научных публикаций, в том числе 10 монографий, 10 учебных пособий (из них 4 с грифом). E-mail: moiseyshr@mail.ru

© **Shraga** Moisey Haimovich, Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Social Work and Social Security of NArFU. Author of over 225 scientific publications, including 10 monographs and 10 textbooks (4 of them with the stamp). E-mail: moiseyshr@mail.ru

© **Кудря** Людмила Ивановна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры муниципального и государственного управления САФУ. Социальная медицина, социальная экология, социальная безопасность; более 140 публикаций, в т.ч. 5 монографий. E-mail: medstat@atrnet.ru

© **Kudrja** Lyudmila Ivanovna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Municipal and State Governing of NArFU. Social medicine, social ecology, social safety; more than 140 publications, including 5 monographs. E-mail: medstat@atrnet.ru

Аннотация. В социальной экологии футурология рассматривается как раздел, определяющий перспективы развития системы «социо-природных отношений». Исследуются методологические проблемы судеб ноосферного развития и футурологического прогноза мировой и «русской цивилизации».

Ключевые слова: гламур, глэм-капитализм, евразийцы, мифотворчество, неоевразийство, славянофилы, футурология, цивилизация

Keywords: glam, glam capitalism, eurasians, myth making, neoeurasianism, Slavophiles, futurology, civilization

«...культур много, а цивилизация — одна»
Мераб Мамардашвили, 1989г.

Мы, бесспорно, разделяем мнение Д.Н. Кавтарадзе, что без образа желаемого будущего задача обеспечить будущим поколениям шанс на существование, вряд ли выполнима [1, с. 28-42]. Возникает, однако, вопрос о том, какая наука способна решить поставленные задачи? Существует ли она уже или это дело отдалённой перспективы? Мы думаем, что в списке

университетских наук её ещё нет, хотя её необходимость обосновывалась ещё академиком Н.Н. Моисеевым [2].

М.В. Величко и др. считают, что футурологические разработки В.И. Вернадского по планетарным проблемам развития цивилизации «недооцениваются политологами, демографами, вообще глобалистами России, которые ориентируются на западные теории и концепции модернизации, пренебрегая опытом даже соседей» [3].

Соотношение понятий качество жизни (КЖ), социальная безопасность (СБ) и общественное здоровье (ОЗ), социальная экология (СЭ), устойчивое развитие (УР) не может быть объективно осознано с позиций традиционного линейного мышления. Во всех случаях семантический анализ ставит «общественное здоровье» в центр понятия «социальная безопасность», составляя основное и существенное его ядро, и других сопоставляемых с ОЗ понятий. Нельзя в этой связи не вспомнить опыт маленькой Древней Спарты или каноны Ветхого Завета иудеев и признать, что у тех и других здоровье составляло суть религии и власти

Е.А. Кваша задаёт вопрос, почему в России, где младенческая смертность за двадцатый век снизилась почти в 20 раз, она всё ещё остаётся проблемой здравоохранения. Она «не только не уменьшила, но и увеличила разрыв с экономически развитыми странами мира по этому социально и экономически важному показателю» [4, с. 47-55]. Парадоксально, но, как и в начале XX века, дело в различиях уровней развития в странах Запада и России. Учёный отмечает, что с современной системой здравоохранения России мы далеко не уйдём! В 2010 г. Россия имеет уровень смертности в 1,3 раза выше, чем в РСФСР в среднем в 1980-1990 гг. Число детей, родившихся больными или заболевших в период новорождённости, увеличилось в 2,2 раза (с 17 до 37% всех родившихся). Значение критерия продолжительности жизни (ОПЖ) в «новых» странах ЕС в 1980-1990 гг. равнялись значениям ОПЖ России, Украины, Белоруссии и Казахстана. В период 1991-2010 гг. они постоянно росли, достигли 75 лет и стали на 4,5 года больше, чем в Белоруссии, и на 6 лет больше, чем в России, Украине, Казахстане.

Начало нового столетия знаменует собой безусловное снижение безопасности человека, народов, стран и планеты в целом. Мир действительно стал многополярным, и это действительно новый мир. Но парадоксально, что он оказывается много опаснее, чем прошлый двухполюсный мир 2-ой половины XX века с его мировой ядерной угрозой. В прошлое ушли тренировки школьников и всего населения по программам ядерной опасности в рамках гражданской обороны во всех странах мира. И сегодня нет уже и СССР, который изображался народам США и Западной Европы как «империя зла». В итоге Советский Союз, проиграв холодную войну, стал добычей отечественных «рыцарей» рыночного капитализма, соблазнив-

ших в 90-е годы призрачным богатством многомиллионный, многонациональный, поголовно грамотный, но доверчивый советский народ, уставший от маразма одряхлевших вождей.

Национализм и зверства на этнической почве уничтожили Югославию, которой тоже уже нет на карте мира. Фашизм взял реванш в Прибалтике и на Украине. Клерикализм, православный и исламский фундаментализм, толерантность западного образца наступают на конституционные основы российского государства. И они стали уже реальной угрозой мировой безопасности, а не только потенциальной опасностью в умах редких интеллектуалов России. Социальная экология и футурология могут и должны быть объединены наполнением первого этапа современного глобального экологического кризиса. Фактически же футурология рассматривается как раздел социальной экологии, определяющий перспективы развития системы «Общество-Природа». Социальная экология уже в 30-х годах XX века (В. Вернадский, П. Тейяр де Шарден) обозначила альтернативные варианты развития: переход биосферы в ноосферу или в техносферу. Весь спектр футурологических концепций экологического направления можно разделить на два течения: экопессимистическая (экоалармизм) и технооптимистическая (техноапологизм) концепции.

В.И. Добринина и её коллеги рассматривают социальную экологию «как своего рода синтез экологии и социологии». На основе такого синтеза возникает новая «социальная реальность, связанная с отысканием путей выхода из экологического кризиса». Социальные экологи, начиная с Аурелио Печчеи, считают, что в основе новой социальной реальности должна находиться преображеная система ценностных ориентаций и потребностей человека, что, в свою очередь, будет создавать новые образцы поведения людей, экологически оправданные и обеспечивающие решение глобальных проблем.

Но только в 70-е годы прошлого столетия были созданы компьютерные модели для оценки роста пяти лимитирующих развитие цивилизации факторов роста: народонаселения, продуктов питания и объёмов промышленного производства, потребления природных ресурсов и уровня загрязнения и отравления среды обитания технологическими отходами. По инициативе А. Печчеи Форрестером и супругами Медоуз для Римского клуба были разработаны модели (экоалармистические прогнозы), сделаны выводы, что если количественный рост пяти указанных факторов не прекратится, то к концу XXI века цивилизацию постигнет коллапс. Технооптимистическая концепция легла в основание модельным прогнозам Р. Бойда, М. Месаровича, Э. Пестеля — нулевого роста.

В 1988 году Ю. Ш. Стрелец в научной работе обозначил ряд конструктивных задач, которые должно решать экологическое прогнозирование, в т.ч. — «выявление приоритетных

направлений в исследовании настоящих и будущих состояний биосфера и её компонентов»[5].

Оптимисты не перестают уповать на надежду более безопасного образа жизни и соответственно возможности достижения наивысшего уровня здоровья, т.е. на благоразумное развитие нашей цивилизации в будущем. И нет недостатка в рецептах, которые навязывает нам демократия западного образца, — здесь и счастливый рыночный путь, и Болонский процесс, и гомосексуальная любовь как норма, суррогатное материнство, ювенальная юстиция и пр. Но мы в большей мере готовы согласиться с социологом А. Д. Ивановым, который скептически относится к результативности футурологии и, ссылаясь на У. Черчилля, говорил: «Новое яркое явление, едва открыв перед нами некие перспективы на будущее, одновременно сменяется другим явлением с другими перспективами, и будущее оказывается в прошлом, а мы всё время остаёмся в выбирающем настоящем. Так, постиндустриальное общество и постмодернистская культура больше не актуальны. Они оказались тем, что мы недопережили, в то время как явлением, определяющим настоящее, стал никак не претендующий на эпохальность и судьбоносность гламур» [6].

Ответ на вопрос следует искать не в эмоциях по поводу нынешнего состояния российского общества, а обратиться к периодизации истории человечества, как материальному процессу, в котором выделяю три основные крупные фазы: «Царство естественной необходимости» = «Предыстория», «Царство осознанной необходимости» = «Эпоха коммунизма» = «Царство свободы» = «Эпоха гуманизма» [7]. Парадокс, но в соответствии с данной периодизацией и несмотря на немалые достижения за последние сто лет, человечество так ещё и не вышло из «предыстории»!

Действительно, капитализм — единственная социальная система, которая может существовать одновременно со знаком «плюс» («положительный капитализм») и со знаком «минус» (системный антикапитализм, «отрицательный капитализм»). Капитализм развивается не только по своей, но и по антикапиталистической логике, и на какое-то исторически непродолжительное время позволяет решить проблемы капитализма, сглаживает его противоречия. С другой же стороны мы разделяем точку зрения, что даже сегодня можно наблюдать ликвидацию странного порождения XX века — среднего класса и интенсивную пролетаризацию основных слоев населения.

В период прогрессивного капитализма среди среднего класса (традиционного) возникла идея «государственного врачебноведения», которая затем благодаря нравственной деятельности европейских врачей и ученых развилась в социальную гигиену (медицину). Идея социальной медицины немецких гигиенистов XIX века не так уж была и далека от идеи-

лов русской демократической общественности. Этую же идею в начале XX-го века пытались на классовых началах воплотить в жизнь российские большевики-коммунисты, декларировавшие ответственность советской власти за здоровье трудящихся. И следует признать, что до смены идеологической парадигмы советского здравоохранения и даже несмотря на фактический отказ от этой установки, советское здравоохранение остаётся образцом социального обеспечения системы охраны здоровья. В этой связи триумфом научной социальной концепции медицины (здравоохранения) следует считать Алма-Атинскую Декларацию 1978 года, на которой состоялось оформление методологии современного системного здравоохранения.

Однако рыночная экономика благодаря мощному распространению потребительского мировоззрения многих жителей планеты продолжает развиваться (пусть с кризисами), овладев в итоге практически всей планетой. Она остаётся как основной формой хозяйствования, так и довлеющей формой общественного сознания, и в противоположность социальному подходу к здоровью человека породила разные индивидуалистические идеи, в т.ч. концепцию «личной ответственности за своё здоровье» и систему высокотехнологичной медицинской помощи.

К примеру, США занимают первое место в мире по расходам на медицину, — 7439 долларов на одного человека, а к 2015 г. 12 000 долларов. Или 16% ВВП! США занимают лишь 37-е место по уровню оказания медицинской помощи (Куба — 35-е место) и 72-е по общему уровню здоровья. По уровню детской смертности в США самый плохой показатель среди развитых стран — на 41-м месте. И на 45-м месте по продолжительности жизни (ОПЖ). Это единственная промышленно развитая нация, которая не гарантирует своим гражданам универсальной и всеохватной системы медицинского страхования. Несмотря на впечатляющие успехи американского здравоохранения и системы медицинских услуг, миллионам американцев они недоступны из-за чрезвычайного роста стоимости. В 2009 году в США не имели медицинской страховки 50,7 миллионов жителей или 16,7% населения. В 2004 году отсутствие медицинского страхования служит причиной примерно 18 000 смертей ежегодно. И неудивительно, что этот вопрос стал политическим обязательством всех последних президентов США, начиная с Б. Клинтона. Однако, к глубокому сожалению, и в нашей стране развитие здравоохранения уже приняло этот вектор и идёт по пути фрагментации медицинской помощи, развёртывания центров высоких медицинских технологий (к примеру, идея «Медицинское Сколково») и свёртывания социальной профилактики, социальной помощи и пр.

Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец считают «цивилизацию» пятым, высшим элементом в структуре общества [8]. Цивилизация объединяет всё человечество, находящееся на определённой ступени развития, или его крупную составную часть. При этом мировые цивилизации — круп-

ные этапы развития глобальной цивилизации и циклы поколений локальных цивилизаций, эпохи в развитии человечества как единой мегасистемы. Ученые априори постулируют: «На рубеже XXI века начинается седьмой виток цивилизационной спирали, который, вероятно, охватит пространство двух столетий и приведёт к радикальному преобразованию глобальной цивилизации в начале третьего исторического суперцикла». По их мнению, которое нам представляется очень оптимистичным, сейчас формируется «гуманистически ноосферная постиндустриальная цивилизация и 5-е поколение локальных цивилизаций». Но у учёных остался нереши́ённый вопрос прогноза — «вступит ли глобальная цивилизация в XXIII столетии в очередной, восьмой, виток цивилизационной спирали или человечеству придёт конец».

В XIX в. А. де Сен-Симон (1760-1825) выдвинул концепцию восхождения человечества от варварства к цивилизации. Лучшие умы прошлого и настоящего задумывались над прогнозом будущего развития Человечества. Это К. Маркс, Н.Д. Кондратьев, П.А. Сорокин, Ф. Бродель, Й. Шумпетер, О. Шпенглер, А. Тайнби, В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев и многие другие. В этой связи прогноз будущего развития России остаётся актуальной научной проблемой социологии и экономической теории. «Евразийство», которое в среде русской эмиграции начала ХХ века окрестили славянофильским футуризмом, не потеряло своих адептов.

При этом, мировые цивилизации — крупные этапы развития глобальной цивилизации и циклы поколений локальных цивилизаций, эпохи в развитии человечества как единой мегасистемы. Такая трактовка предмета крайне и особо важна для обсуждения проблемы будущности России, ибо традиционно много российских ученых с различными философскими воззрениями и политическими взглядами и без таковых однозначно выступали и выступают за свой, самобытный, не ориентированный на Запад путь развития России. Однако С.Г. Кара-Мурза, учёный, которого положительно нельзя отнести к «западникам», удостоверяет, что «мир втянулся в кризис индустриальной цивилизации» [9]. Он в очередной раз горячо ругает неолиберализм, видя в этой экономической парадигме корень многих бед современной России. В другой работе опять же в свойственной автору публицистической манере Кара-Мурза уточняет диагноз: «Нынешняя Россия (РФ) — система переходная, находящаяся в неустойчивом равновесии. Сегодня в ней одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы — зависит и от власти, и от всех нас» [10]. Вообще публицистический жанр, судя по метаниям Э Лимонова, остаётся любимым жанром неоевразийства.

Известный «неоевразиец» С.Н. Бабурин отмечает характерные черты «Русской цивилизации», формой которой, исходя из объединительного фактора православия, им утверждается «... только Русская Православная Империя» [11]. Более того, он считает, что вековой

спор в России выиграли не марксисты, а народники: «Сколь многое наша Родина могла бы избежать, если бы на сто лет раньше прислушались к советам мудрого К. Маркса не пытаться жить по «Капиталу», подражая Западу, а опираться на свои общинные традиции».

А. Н. Савельев в самом начале 2000-х годов дал очень едкую и меткую характеристику русского евразийства: «В патриотическом движении евразиец — это такой русский, которому все время хочется переписаться в татары. И при этом говорить на европейских языках и ссыльаться на русских философов. Получается именно "ни то, ни сё" — "россиянцы" — свалка интеллектуальных отходов. Их с удовольствием приглашают в Сорbonну — послушать "русский бред", который к русской истории и русской мысли имеет самое малое отношение» [12].

Общеизвестно, что евразийство как интеллектуальное явление возникло в среде русской эмиграции первой волны. А ряд исследователей ведёт точный отсчёт деятельности антисоветского евразийского движения с 1921 г., с момента выхода в свет первого коллективного труда «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921). Евразийство было крайне популярно и в 80-90-е годы прошлого века на закате существования Советского Союза, когда учёный-эрudit и эколог Л. Н. Гумилёв был талантливым популяризатором очень спорной гипотезы пассионарности в теории этногенеза. Можно давать различные оценки формам, в которых проявилась социальная активность евразийцев. Но является ли евразийство разновидностью самосознания российской цивилизации? Этот вопрос мы оставляем без ответа, отсылая его философам. Мы же склонны считать главной чертой евразийства идеологическое мифотворчество, когда, как говорится, есть потребность выдать желаемое за действительное.

Сегодня есть много отечественных ученых, явно неудовлетворённых периферическим местом «новой России» в рыночном, гламурном цивилизованном мире на первом этапе эпохи глобального экологического кризиса. И они размышляют о её дальнейшем цивилизационным развитии, считая нынешнее положение России несправедливым и результатом деятельности внешних сил. При этом некоторые из них демонстрируют явно линейное восприятие действительности (мировоззрение). Научный системный (социально-экологический) подход оказывается по объективным и субъективным причинам им недоступным. И в итоге, эмоциональное и ура-патриотическое отношением к реалиями мировой цивилизации и неприятие внутренних сил развития систем. Неудивительно и закономерно, что научный прогноз подменяется их субъективными пожеланиями (мечтами) и мифами. Э.Я. Баталов, рассматривая философию леворадикальных движений середины прошлого века, отмечает, что отказ от системного подхода неизбежно ведёт к подходу «факторному», от которого прямая

дорога к конструированию утопий как произвольных, иллюзорных систем.

Сошлёмся в этой связи на мнение члена экспертного Совета комитета Государственной Думы РФ по безопасности Т.Ю. Булах, который, представляя книгу С.Г. Кара-Мурзы и В. В. Патокова, написал: «Россия стоит перед выбором — либо отказаться от статуса цивилизации и встроиться в периферию нового мирового порядка, либо подняться до уровня одного из мировых цивилизационных центров» [13].

С. И. Сухонос, как и многие другие социологи и экономисты, стоит на позиции неравномерного развития Человечества. У него в качестве лидеров развития выступают не отдельные страны, а «цивилизации-лидеры». Объективно не может вызывать возражения его предположение, что: «сегодня мировым лидером является западная цивилизация, представленная странами Евросоюза и США» [14]. И это реальность современной капиталистической цивилизации!

Есть другая точка зрения у профессора Н.П. Залывского: «Мировую цивилизацию образуют государства». Его предсказание ориентировано на геополитический и социокультурный шанс России: «В чём сущность этого шанса? В возможности и наличии баланса времени не только для критичной переоценки причин социальных недугов социально-экономического развития страны в XX веке и начале XXI века, но и для моделирования мировоззренческой базы для социального реванша, поднимающего все слои населения России к конструктивной модернизации модели социального государства» [15]. В основу своего пророчества он берёт специфику вероятности «цикличности экономических достижений стран мира». На его взгляд «за непродолжительной исторической фазой материального насыщения неизбежна революционная замена целей экономического развития страны (общества) на развитие внутреннего мира человека» [15]. Автор ничем не подкрепляет такое своё утверждение, и оно звучит у него аксиоматично.

Но ещё больше нас настораживает провозглашённое им «формирование идеологии социального реванша». Идеология, которая представляется как «...объективная историческая потребность для усиления геополитической, геокультурной роли России в XXII–XXIII веках» [15]. Автор категорически утверждает, что в противном случае, если это не произойдёт, то в последующие века (!?) «русский мир и русский дух попадут в историческую дегенерацию». И далее автор: «Априори уверен: Россия может занять в будущей истории человечества подобающее место только при неуклонном движении по пути совершенствовании д у х о в н о – к у л т у р н о г о р е с у р с а (разрядка — М.Х. Шрага) социально-экономического развития» [15]. В этой связи хотелось, во-первых, чтобы автор использовал более однозначные и опре-

делённые наукой термины, ибо отдельные абзацы текста трудны для восприятия смысла. Во-вторых, указал временной отрезок своих предсказаний насчёт «исторической дегенерации» мира и духа. В-третьих, какие же у него основания для его столь однозначных суждений, которые вовсе не так и непреложны.

Далее учёный довольно широко рассуждает «об историческом поражении СССР в 1991 году в создании нового общественного строя». И здесь, хотя он и цитирует В.И. Ленина в части «важнейших условий победы коммунизма», признаёт официальные данные «по уровням производительности труда», которые в 2–2,5 раза отстают «от индустриально развитых государств» [15]. Но этот ли технический критерий должен составить социальное здоровье и «новую модель использования человеческого фактора»?

Его «прогноз» по большому счёту по смыслу очень напоминает официально озвученные направления развития РФ на очередной срок. Ибо ему более важно: «Выведение России в пятерку стран-лидеров глобальной конкуренции (а далее сохранение её в десятке экономических лидеров мира) предполагает не только эффективные и непрерывные инновационные модернизации национальной экономики. Для этого необходима опережающая относительно периодов перехода к новым технологическим комплексам подготовка кадров и освобождение от пороков отношения к носителям знания, характерных для нынешней фазы истории России» [15].

Н.П. Залывский особо затрагивает проблему симбиоза «культурно-этнографической самобытности народов». И читателю приятно узнать, что, оказывается, Россия ныне входит в космическое окно развития евразийской цивилизации (разрядка — М.Х. Шрага), которое уже никому не закрыть. При этом непонятна связь космического окна с безвизовыми коммуникациями граждан России: «У Европы нет будущего без России...»[15]. А у России? Он решается на очень отдалённый прогноз, когда утверждает, что «ассоциированный народ — неизбежный спутник предстоящего тысячелетия России. И признание возможности растворения одного этноса в другом народе является условием оптимальной трансформации национального самосознания (чувств, культуры) многочисленных этносов страны в общероссийский унитаризм». Ещё более фантастично звучит его очередная аксиома: «Политика должна помогать утверждению в глобальном мире авторитета социальной практики России» [15]. В конце своей статьи профессор приятно самокритичен и, может быть, вынужденно готов признать свои рассуждения «умозрительными или фантастичными». Но это не мешает нам задать автору ещё вопросы. В чём же таки передовая социальная роль России в мире и для мира? И нужно ли для российского народа изобретать «методологию для великодержавной победы»?

Кому нужен тот социальный реванш, предтечей которого он позиционирует себя? Впрочем, всё это хорошо вписывается в методологический стиль неоевразиатства.

Даже сегодня есть определённые трудности с содержанием термина «цивилизация», который А. Фергюссон ввёл в науку ещё в середине XVIII в. В европейской науке XIX-XX вв. понятие «цивилизация» употреблялось в разных значениях, как правило, через сопоставление его с понятием «культура». В науке сформировался широкий спектр мнений от отождествления этих понятий до их противопоставления.

В.Ф. Шелике на XVII Всемирном философском конгрессе в 1983 году отметил важное положение, которое некоторые социологи и экономисты предпочитают сегодня забывать. Классики марксизма «наряду с членением исторического процесса развития на соответствующий ряд сменяющихся общественно-экономических формаций... делили историю человечества на три ступени общественного развития, среди которых цивилизация занимала среднее положение между варварством и коммунизмом» [16, с. 21-26]. Эти идеи, как отмечал ученый, были всесторонне обоснованы Ф. Энгельсом в работе «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Энгельс характеризовал цивилизацию как ступень общественного развития, на которой постепенно «товарное производство становится господствующей формой» [17, с. 175-177].

Марксистский подход очень прост и логичен и позволяет исследователям выйти из терминологической эквилибристики евразийства, — форма (способ) производства определяет суть цивилизации. Обосновывая положение о взаимосвязи свободы личности с объективными условиями жизни людей в обществе, марксизм считает, что подлинной основой всех свобод является «свобода жить», свобода от нужды, свобода от эксплуатации и от неуверенности в завтрашнем дне. Марксизм характеризует историю как процесс осуществления свободы, человечество становится все более свободным по отношению к природным и общественным закономерностям. Человечество познает их, используя эти знания для реализации своих целей, но в условиях господства частной собственности и эксплуатации человека человеком — рост свободы для общества оборачивается утратой её большинством людей. Причину этого марксизм видит в отчуждении людей.

И в этом случае надо уже признать, что с конца XX века обнаруживается более жёсткий, чем «духовно-культурный» императив, — «экологический императив» Н.Н. Моисеева, который, по мнению ноосфериста А.И. Субетто, является частью «императива выживаемости» [18].

Профessor А.И. Субетто, вводя в 1991 году понятие «императив выживаемости человечества в XXI веке», дал содержание этого понятия. Это «единственная стратегия выхода че-

ловечества из «ямы» первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы — это управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества, или в другой формулировке — управляемая динамическая социоприродная (социобиосферная, антропо-биосферная, ноосферная) гармония». А наш социально-экологический взгляд получает подпитку у И. Валлерстайна, который выдвинул теорию, согласно которой все страны капиталистической мировой экономики (КМЭ) живут в одном ритме, диктуемом «длинными волнами» Кондратьева (цит. по Завалько Г.) [19].

Получается, *во-первых*, что Россия была интегрирована в КМЭ в XVIII веке уже в период между правлениями Петра I и Екатерины II. *Во-вторых*, Маркс был прав, говоря, что капитализм ведёт не только к относительному, но к абсолютному обнищанию большинства. *В-третьих*, «национальными государствами» следует считать производными от существования социальных систем. *В-четвёртых*, ориентации на уровень отдельных государств роковая и неизбежная антисистемная ошибка. *В-пятых*, развитие как «национальное развитие» справедливо считать иллюзией. *В-шестых*, окончилось мирное господство капитализма, а либерализм исчерпал себя как господствующая идеология. *И, наконец*, деление мира-экономики на ядро и периферию исчезнет не в результате включения в ядро новых стран, а вследствие постепенного изживания капитализма. Валлерстайн не утверждает марксизм, но доказывает правоту его многих положений.

Ещё одна важная парадигма сегодняшнего дня, на которую стоит обратить внимание. В силу развития глобализации происходит частичное ослабление национальных территориальных единиц, и возникают условия для роста значения пространственных единиц других масштабов [20, с. 13-28]. Среди них — субнациональные единицы (преимущественно города и регионы), приграничные территории, включающие две и более субнациональные единицы и наднациональные единицы (глобальные рынки и зоны свободной торговли) [21, с. 15-31].

В этой связи важным является судьба Арктического региона и, в частности, Архангельской области. Действительно, жителей региона меньше всего привлекает миссия быть поставщиком углеводородов на фоне девственной природы Арктики. Но губернатор Архангельской области Игорь Орлов, озвучивая на сессии Архангельского областного Собрания депутатов масштабные, комплексные приоритеты, которые будут в дальнейшем определять социально-экономическое развитие региона, в числе первых, назвал именно освоение Арктики.

Возможно, что профессор Р.Ф. Туровский и не был полностью беспристрастным в докладе «Архангельская область: эффективность и консолидация власти». Однако его контекст аргументировано представляет область как окраину периферии современной западной ци-

вилизации. Среди субъектов СЗФО по уровню бедности Архангельская область занимала 6-е место (после Республики Коми и Карелии). А как можно полагать, что общественное здоровье области улучшится, если население области потребляет меньше продуктов, чем рекомендует гигиеническая наука, в среднем на душу населения. Достаточно сказать, потребление молока при норме 400 л на душу в год, в 2010 году составило всего 150 л. И оно не растёт практически с 2006 года!? И дело не в северном положении, ибо в соседней и более северной Мурманской области оно выше.

Меньше, чем рекомендовано, жители Архангельской области потребляют мяса и мясопродуктов, картофеля, овощей, фруктов, яиц и пр. Такое питание априори сопровождается дефицитом белка животного происхождения, полиненасыщенных жирных кислот, витаминов, ряда микронутриентов и пищевых волокон. Среди детей и подростков отмечается существенный рост распространённости так называемых алиментарно-зависимых заболеваний (заболеваний, связанных с недостаточным, неадекватным или нерациональным питанием), в частности, органов желудочно-кишечного тракта.

На конец 2010 года (по данным Архангельскстата) в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам, было занято 62013 человек или 44% от списочной численности работников. В 2011 году 58% промышленных предприятий не отвечали гигиеническим нормативам по уровню шума; 39,4% — по уровню вибрации; 17,8% — по показателям микроклимата; 20% — по электромагнитным полям; 50% — по освещённости. Территориями максимального риска по травмам и отравлениям, несчастным случаям за 2007-2011 годы среди совокупного населения являются города Новодвинск (168,7%), Коряжма (122,3%) и Архангельск (118,0%). Соответственно, у взрослого населения максимальные в городах Новодвинск (155,9%), Архангельск (136,1%) и Коряжма (107,3%).

Характерно определяют социальное здоровье в Архангельской области обстоятельства острых отравлений химической этиологии (ООХЭ). Среди них ведущее место занимают отравления с целью опьянения (56,1%), второе место — отравления, связанные с ошибочным приёмом (15,5%), третье место — отравления с суициdalной целью (15,1%). Основной проблемой Архангельской области остаётся качество питьевой воды. Удельный вес источников централизованного питьевого водоснабжения, несоответствующих гигиеническим нормативам, составил в 2011 году: в Новодвинске — 100%, в Архангельске — 85%. В г. Северодвинске 45,8% проб воды по содержанию остаточного алюминия относятся к диапазону 1,1-2,0 ПДК и 20,8% проб к диапазону 2,1-5,0 ПДК.

Традиционное богатство Архангельской области — лес — находится в критическом со-

стоянии (истощимое лесопользование) и объективно не сможет обеспечить её прорыв в ядро современной цивилизации. Нет основания для оптимизма и в сфере образования, и здравоохранения. Нужен серьёзный научный прогноз выведения Архангельской области из окраинного состояния! Но эта задача видимо не по плечу российским экономистам и архангельским топ-менеджерам?

Говоря о соотношении социальной экологии и научной футурологии, нельзя обойти вниманием техногенную суть современной западной цивилизации. С.В. Колычева полагает, что «техника представляется как надсоциальная и надчеловеческая данность, имеющая свою внутреннюю логику и свои законы развития. В настоящее время, техника господствует над человеческим сообществом, диктуя свои законы и свою волю» [22]. Она центральную идею технической цивилизации видит во власти технических специалистов или носителей технической рациональности. Такая позиция автора, на наш взгляд, подтверждает продолжающееся долгое господство линейного, механистического мышления, несмотря на то, что все современные науки не перестают приносить клятву в приверженности системному подходу, синергизму.

Действительно, технократическое мышление агрессивно противостоит гуманизму: «...способ мышления предполагает частичность, односторонность, жестокость, однозначность, рассмотрение средства в качестве цели. Он выступает в виде современной формы догматического, механистического мировоззрения и деятельности» [22]. Это способ связи цивилизованных сообществ и природы, базирующийся на механических принципах, заложенных в технике, который диктует человеку потребительское поведение и мышление во всех сферах жизнедеятельности.

Важно то, что Колычева цитирует М. Хайдеггера, который писал о «бегстве от мышления», противопоставляя ему «космыляющее мышление». А ещё она ссылается на Г. Маркузе, у которого современный человек выступает как закономерный «побочный продукт цивилизации» — «одномерный человек с одномерным мышлением», и он «делается орудием производства продуктов». Её мнение, что человеческий разум в рамках нашей капиталистической цивилизации стал технократическим, и он «породил вечно скучающего человека-потребителя». Мы разделяем взгляд автора в части «мировоззренческого электизма», который в наибольшей степени характеризует коллективное мировосприятие обывателя цивилизованного общества.

Чем же социальная экология отличается от недобросовестной прогностики (мифотворчества)? Актуальность вопроса вытекает из представления технократов о якобы мифологической природы концепции ноосферы. Отметим, что В.И. Вернадский не давал саму карти-

ну ноосферного мира, а считал ноосферогенез единственным путём развития Человечества и верил в такую возможность Разума. В этой связи И.Ю. Александров задает вопрос: «Правомерно ли называть гипотезу ноосфера В.И. Вернадского концепцией или учением? Правомерны ли эти интерпретации, если Вернадский, хорошо знакомый с представлениями о ноосфере Эдуарда Леруа и Тейяра де Шардена, совсем не претендовал на создание целостного учение о ноосфере, но оставил после себя только гипотезу о переходе биосферы в ноосферу? Представляется, что вполне правомерно говорить не только о гипотезе ноосферы Вернадского, но о концепции ноосферы в его трудах и трудах его последователей».

Р.И. Баландин более строго и конкретно подчёркивает, что Вернадский нигде и никогда не называл свою гипотезу ноосферы учением. В науке есть чёткое представление теории как о математизированной системе. Мы разделяем это представление, как и то, что прогностические свойства концепции значительно ограничены.

Н.Н. Моисеев же вообще с большим скепсисом относился к самой возможности дальнейшего развития по этому пути, рассматривая экологический кризис как точку бифуркации в развитии капиталистической цивилизации. 2012 год был в этом отношении эпохальным и подтверждающим обоснованность скепсиса математика и ученого-эколога. Во-первых, VI Цивилизационный форум ученых в рамках Конференции ООН по устойчивому развитию РИО+20 избрал исходной точкой идеи (цели) Всемирных Саммитов 1992 и 2002 гг. и Саммита тысячелетия 2000 г. Форум отметил определенные успехи в концентрации усилий и ресурсов для достижения указанных целей. Вместе с тем участники Форума в большей степени обозначили, что глубина и длительность происходящих в мире кризисов и трансформаций требуют разработки и принятия на Всемирной встрече на высшем уровне научно обоснованной долгосрочной глобальной стратегии УР, осуществляющейся на базе партнёрства государств и цивилизаций в ответ на вызовы XXI века. Вопрос о необходимости начала работ по трансформации моделей производства и потребления, остаётся открытым [23].

Прошедшие уже сорок лет со Стокгольма могут служить примером крушения прогноза мирового экологического развития. И в этой связи минувший 2012 действительно должен быть признан особо значимым. Мы стали свидетелями, как были реализованы основы политической глобальной стратегии устойчивого развития Человечества (УР). Несмотря на отдельные успехи, наблюдается стремительное нарастание глобального экологического кризиса. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) накануне саммита опубликовала «Резюме для политиков и лиц, принимающих решения» — доклад «Geo-5» (Глобальная экологическая перспектива), в котором констатирует полный провал намеченного 20 лет назад плана «УР»,

из 90 пунктов которого только 4 получили положительную оценку. Удовлетворение растущего потребления достигается самым дешевым способом, позволяющим максимизировать прибыль. А прибыль затем реинвестируется в удовлетворение новых и все более растущих потребностей. Причем это развитие происходит в основном за счёт сокращения природных ресурсов.

Показательной и характеризующей реальное положение дел с цивилизационным развитием стала позиция Верховного комиссара ООН по правам человека Нави Пиллэй. Она обратилась в письменном виде ко всем государствам-членам, напомнив им об обязательствах, взятых на себя 20 лет назад в рамках Декларации Рио-92, которая поместила интересы человека и его право на здоровую и продуктивную жизнь в центр УР. Верховный комиссар предупредила, что стратегии, сосредоточенные на экономическом росте и не уделяющие должного внимания вопросу справедливости и связанным с ним вопросам окружающей среды, социальным проблемам и правам человека, не достигнут экономических целей. И они рискуют нанести ущерб планете и основополагающим правам живущих на ней людей.

ООН вновь приглашает правительства, международные организации и другие основные группы, сообщая выработать ряд действенных мер, способных снизить уровень нищеты и одновременно способствовать созданию достойных рабочих мест, чистой энергетики и более рациональному и справедливому использованию природных ресурсов. Итоговая декларация саммита подчеркивает необходимость перевода мировой экономики и промышленности на «зеленые» рельсы. К 2015 году будут разработаны Цели устойчивого развития, и создан новый Форум высокого уровня по устойчивому развитию при Генассамблее ООН! Валовый внутренний продукт (ВВП) признан недостаточно чётко и полно отображающим уровень развития стран. Статистическое управление ООН будет должно разработать новые индикаторы, которые бы дополнили ВВП. Для осуществления концепции УР необходимо сменить действующую парадигму развития, основанную на неограниченном экономическом росте. Для перехода к УР в масштабах всего мира необходимо коренным образом изменить сложившиеся в странах модели потребления и производства. Однако вопрос о необходимости начала работ по трансформации моделей производства и потребления, остаётся открытым.

Б. Н. Кузык, Ю.В. Яковец признают, что прогнозирование циклов и кризисов — одна из наиболее сложных и пока слабо развитых ветвей общественной науки и практики. Но они, тем не менее, считают, что эта задача вполне под силу науке, вооружённой знанием закономерностей цикличной динамики, и практике, основанной на такой науке. Прогностические исследования должны исходить из реального развития мировой цивилизации. Мы думаем,

что есть великая русская культура и в первую очередь традиции отечественного образования и здравоохранения, культуры, которые должны быть сохранены и получить дальнейшее развитие вне рынка услуг. Для освоения Арктики не надо требовать социальный реванш, загадывая его на тысячи лет вперёд. Нужна продуманная научная концепция и её реальное воплощение в жизнь.

Литература

1. Кавтарадзе Д.Н. Управляемо ли устойчивое развитие? Вестник Московского университета, 2004, № 3, Управление, (государство и общество). С. 28 — 42.
2. Моисеев Н.Н. О мировоззрении и миропонимании // "Экология и жизнь". 1999. №4. URL: http://mperu.sura.ru/EI_utebnik/Ecologia/SOURCE/ (дата обращения: 02.03.2008).
3. Величко М.В., Ефимов В.В., Иманов Г.М. Экономика и ноосфера. Научно-методологические основы государственного управления социально-экономическим развитием в условиях глобализации. Ноосферный (этико-экологический) подход. - Санкт-Петербург: АНО ВПО «Смольный институт РАО», кафедра Психологии, акмеологии, ноосферологии и педагогики. Изд-во МФИН, 2012. – 168 с.
4. Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // «Социологические исследования», 2003, №6. — С. 47-55. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/analit02.php> (дата обращения: 12.02.2013).
5. Стрелец Ю.Ш. Методологические проблемы научного предвидения в социальной экологии. URL: <http://cheloveknauka.com/metodologicheskie-problemy-nauchnogo-predvideniya-v-sotsialnoy-ekologii> (дата обращения: 19.03.2013).
6. Иванов Д. А. Глэм-капитализм. Интервью АПН от 4 марта 2013г. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21195.htm> (дата обращения: 04.03.2013).
7. Комиссаров Г.М. Марксизм (настоящий) URL: <http://forum.kprf.ru/viewtopic.php?p=738904> (дата обращения: 28.09.2012).
8. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. ЦИВИЛИЗАЦИИ: теория, история, диалог, Будущее. В двух томах. Том I. Теория и история цивилизаций. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов — М.: Институт экономических стратегий, 2006 . С. 100. 8.
9. Кара-Мурза С.Г. «Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи»: Алгоритм: М. 2011.
10. Кара-Мурза С.Г. и др. Что для России лучше?. — М., «Самотека», 2008. — 368 с.
11. Бабурин С. Н. Россия: Путь Империи. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n6_2005/t0605/bab605/ (дата обращения: 04.03.2013).
12. Савельев А.Н. Осторожно: евразийство. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2001/n5_6_2001/96c52833/4caa4a86/ (дата обращения: 04.03.2013).
13. Кара-Мурзы С.Г., Патоков В.В «Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему»: "Общественный диалог". М., 2010.
14. Сухонос С. И. Логика эволюции человечества/С.И.Сухонос. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. – 224 с.
15. Залывский Н. П. Миссия России — быть примером построения мировой державы с оп-

- тимальной социокультурной моделью развития народов (этносов) // Электронный научный журнал «Арктика и Север». 2012, №9. URL: <http://narfu.ru/aan> (дата обращения: 03.03.2013).
16. Шелике В.Ф. Цивилизация как проблема исторического материализма. Часть I /Социально-философские вопросы цивилизации/ Институт философии АН СССР. Монреаль XVII Всемирный философский конгресс 21-27.08. 1983 г. М., 1983. стр. 21-26.
 17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. — С. 174-177.
 18. Субетто А. И. Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система? (открытое письмо — ответ некоторым «борцам» против ноосферизма). URL:http://www.newhumanity.ru/nas_kritikuyut/otvechaem_na_kritiku/na_2005_05/subetto_noosferizm.htm (дата обращения: 20.12.2011).
 19. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. Альманах востока. Выпуск: N 3(27), март 2005г. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 06.03.2013).
 20. Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысливания. М., 2000. С. 13-38.
 21. Гордон Л. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 15 - 31.
 22. Колычева С.В. Технократическое мышление. URL: <http://itsidea.ru/page/tehnokraticheskoe-myshlenie> (дата обращения: 13.03.2013).
 23. Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20-22 июня 2012 года. Уровень жизни населения регионов России. 2012, № 9.

*Рецензент: Драгало Александр Алексеевич,
доктор философских наук, профессор*